

5В

Борис Соколовский

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Борис Соколовский

5В

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Соколовский Б.

5B / Б. Соколовский — «ЛитРес: Самиздат», 2007

ISBN 978-5-532-04909-3

Эта книга о молодых ребятах эмигрировавших в Соединённые Штаты в конце семидесятых, начале восьмидесятых годов предыдущего столетия. Она состоит из нескольких новелл передающих дух и атмосферу совершенно другого мира, который советские эмигранты пытались понять, к которому они пытались приспособиться и в котором они пытались выжить. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04909-3

© Соколовский Б., 2007
© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Предисловие или Опыт его написания	6
Также предисловие или Ещё одна попытка его написания	8
Нехлюдка или Большое дыхание любви	12
Квадратное яйцо или The Troublemaker	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Памяти Бори З. – моего тёзки, учителя, друга, столь щедро одарившему мою жизнь и столь рано из неё ушедшего...

Предисловие или Опыт его написания

Существуют много причин по которым авторы считают необходимым снабдить свои книжки предисловиями. Я не поленился перечислить их по пунктам:

- Часто они это делают для того, чтобы сообщить читателям, что именно они хотели своей книгой сказать.
- Иногда они также раскрывают, что именно они в ней не сказали, хотя желание это сказать у них и было.
- Ещё там можно найти сведения о том, кому эта книжка предназначена, и, соответственно, всем прочим нечего в неё и соваться.
- Зачастую там также указывается список лиц, которым автор благодарен за помощь и моральную поддержку в создании книги или даже за то, что они являлись источником вдохновения.
- Многие авторы считают нужным туда поместить свои краткие биографические данные, а также другую информацию, без которой книжка могла бы легко обойтись.

Мне представляется, что если книга сама по себе не может объяснить, зачем она была написана и как её надо понимать, вполне возможно, что её вообще не имело смысла писать. Но кто я такой, чтобы критиковать других авторов? В конце концов, каждый пишет так, как он (или она) считает нужным. Я и сам бы не хотел, чтобы кто-то мне указывал – что и где писать, или наоборот, не писать.

Как бы то ни было, но в моём случае это предисловие совершенно необходимо, хотя бы для того, чтобы объяснить читателю, почему она так названа. Ведь если я здесь сейчас этого не объясню, Вы ни за что не догадаетесь, если только, конечно, кто-то из прочитавших это предисловие до Вас Вам этого не расскажет.

Действительно, что же это такое "5В"? Это не пятый класс, в котором автор когда-то учился и из которого его чуть было не выгнали (как и из некоторых последующих) за хорошую успеваемость и примерное поведение. И, конечно, это не вычурная попытка назвать так эту книжку потому, что в ней пять новелл, а первый инициал авторского имени в английской транскрипции "В".

"5В" (по-английски это звучит как файв-би) – это номер квартиры, в которой жил герой этой книжки, а по странному совпадению, и её автор тоже. В этой квартире, как Вы убедитесь сами, (если, конечно, прочитаете эту книжку) и происходят многие из приключений героев этой книги.

Что, что, мой дорогой читатель, Вы что-то сказали? Что? Что я, якобы, сам же говорил, что если в предисловии что-то нужно пояснять, то не фиг вообще браться за написание книг. Я?? Сказал??? Где??? А-аа, Вы говорите, что прямо здесь же, в этом же предисловии, только немного выше? Подождите минуточку... Да подождите же, хватит зудеть под ухом, дайте мне перечитать... М-да, действительно, кажется, нечто подобное я сказал.

Ну и что?

Во-первых, как говорят у нас в Америке "Do what I say, not what I do¹", а во-вторых, говоря словами одного из героев этой книжки, "нельзя быть таким злопамятным". Да-да, это я Вам говорю, мой дорогой читатель. Могли бы этого и не заметить, из вежливости. Я же, вот ничего Вам не говорю, когда Вы слюните свои пальцы, перелистывая мою книгу. А мог бы... Ну ладно, будет нам лаяться, давайте мириться. И не вздумайте швырнуть мою книжку куда-нибудь в угол... Давайте успокоимся и начнём рассуждать логично. Вы мою книжку купили? Купили. Деньги за неё уплачены? Уплачены. А Вы её уже прочли? Нет, не прочли. Так где же

---

¹ Do what I say, not what I do (англ.) – Делай, то что я говорю, а не то, что я делаю.

смысл бросаться деньгами, тем более уже потраченными? Совершенно правильно, в этом нет никакого смысла.

А коли так, продолжим наш разговор... Да, так о чём это я говорил?.. Ч-чёрт, сбили с толку, а я что-то важное хотел сказать. Что? Вы, кажется, дорогой читатель, ещё что-то там бормочите? Да говорите Вы толком, а не жуйте, как пёс дырявый носок... Почему дырявый? А какой он, по-Вашему, будет после того, как его пёс изжует? И что Вы всё время цепляетесь к моим словам? Что Вы там ещё пробурчали? Что?? Что до меня это уже кто-то сказал? Конечно, кто-то когда-то слова, которые я здесь пишу уже употреблял... А Вы бы хотели, чтобы я писал словами, которые сам бы и придумал? А Вы уверены, что в этом случае Вы бы меня поняли? То-то...

Так, Вам что-то ещё не нравится... Ах вот что, значит Вы считаете, что не просто слова, а целые фразы и даже мысли были сказаны до меня? И кем же, если не секрет? Не секрет? Кем-кем? Михаилом Зощенко? А кто это такой? Это Ваш приятель? Нет? Это русский писатель ещё прошлого века? Хорошо-о-о, значит теперь Вы меня обвиняете в плагиате? Ничего себе, ещё не успели прочесть даже одной страницы моей книжки, а уже обвиняете во всех смертных грехах... Что? Не во всех, а только в плагиате?

Тогда объясните мне, откуда же русский писатель, человек, который умер ещё до того, как Вы родились, мог знать почти сто лет тому назад, что Вы слюните Ваши пальцы? Молчите? Ну, наконец-то... Действительно, мне тоже было бы непросто на это ответить. Так что помолчите немного и дайте, наконец, слово сказать...

Нет, это просто невозможно, опять Вы там чего-то вякаете... Ну, знаете, с меня хватит. Вам, что не скажи, всё не так. С Вами можно говорить только гороху наевшись... Ну давайте, вперёд, накидывайтесь, объясните мне, что это уже Гоголь говорил... Ну вас к лешему, мой дорогой читатель! Хватит с Вас предисловий, читайте и понимайте сами, как хотите, мне-то что... А не хотите, не читайте вообще. А с меня хватит, у меня всё же нервы не силиконовые, как сиськи у некоторых читательниц...

Всё-всё, уже молчу, а то, если я сейчас не остановлюсь, то потом мне самому страшно будет в руки взять свою же книжку. Так что я своё дело сделал, её написал. А теперь Вы своё дело делайте – читайте.

Борис Соколовский

Также предисловие или Ещё одна попытка его написания

Прежде всего, мой дорогой читатель, мне хотелось бы извиниться за моё предыдущее хамоватое предисловие. Но не только за это. Я также прошу Вашего извинения за то, что без Вашего ведома сделал Вас объектом небольшого теста.

Надо Вам заметить, что основная работа автора этой книжки – это работа с компьютерными программами и системами. А книжки (правильнее было бы сказать "книжку") он пишет урывками, когда выдаётся свободная минутка или, когда боссов поблизости нет. Так вот, для того чтобы проверить как программа будет справляться с работой в различных ситуациях, её иногда подвергают так называемому стресс-тесту. Этот тест так называется потому, что программа пропускается через множество возможных, а иногда и невозможных ситуаций. Если программа написана правильно, то она с честью выйдет из этого испытания и всё будет делать так, как задумал её автор, а не опрокинется кверху ногами, чего автор явно не желал, по крайней мере в отношении программы.

Я не очень ясно объясняю? Не обращайтесь внимания, не об этом речь, пусть об этом программисты думают, им за это деньги платят... Не столько, сколько им бы хотелось, но платят. По крайней мере бесплатно никто из них не работает, можете мне поверить.

Но это я уже забрёл совсем не туда, куда намеревался. А намеревался я Вам объяснить, зачем мне всё же понадобился этот дурацкий тест. Причина для него достаточно проста.

Пример из программирования я здесь привёл для аналогии. Приблизительно через такой же тест я пропустил и Вас, мой дорогой читатель. Mille pardon² за это. Сделал я это для Вас же. Сам факт того, что Вы сейчас читаете эти строки, говорит о том, что Вы этот тест успешно преодолели, и, следовательно, дальнейшим чтением этой книжки Вы не будете травмированы.

Те же, кто по прочтении предыдущего предисловия решили, что с них довольно и этого, то так, видимо, для них и лучше...

В этом месте, я думаю, Вы, мой дорогой читатель удивитесь. Как же читая книжку можно оказаться травмированным, даже психологически? Разве что, открыв какую-то страницу, из неё выскочит маленькая фигурка автора и плюнет читателю прямо в физиономию. Некоторые читатели этого очень не любят и, действительно, могут счесть себя оскорблёнными и даже травмированными.

Но не бойтесь, мой дорогой читатель, автор ничего такого предпринимать не собирается (формат книжки не позволяет). А психическая травма у некоторых неподготовленных читателей может произойти вот от чего.

Дело в том, что герои моей книжки могут иногда сказануть такое, что, как говорится, хочешь стой, а хочешь падай. Ну, падать не надо, как Вы сами увидите, ни одного из моих героев сильные выражения с копыт не сбивали. Стоять, правда, тоже ни к чему. А лучше всего просто садитесь и продолжайте читать эту книжку. Вот такая простая рецептура.

Но выражения, действительно, не для всех читательских ушей (или точнее глаз) уместные. Я, правда, много раз пытался призвать своих героев к порядку, просил их выражаться по-человечески и не распугивать моих читателей. Но разве за ними всегда уследишь? Так вот и получилось, что их язык оставляет желать лучшего. Ну что тут сделаешь? Уж так они говорят.

Язык у них действительно отвратительный. В какой-то мере он был уже загрязнён по приезду из Союза, и этот процесс успешно продолжался и здесь, в Америке. Сюда было также завезено довольно много советских стереотипов. Так, почти что все герои относятся без вся-

---

² Mille pardon (франц.) – тысяча извинений

кого почтения к полицейским, по крайней мере те герои, которых судьба сталкивала с ними хотя бы в какой-то мере, а таких, как вы увидите, было не так уж и мало. Они, по доброй советской привычке так и продолжали их называть "ментами", полагая, что "мент" – везде "мент", будь то британский "Бобби", американский "Коп", или отечественный "Мусор".

Кроме уже сказанного можно заметить, что в их речи присутствует довольно много жаргона, а также американизмов и вставок из других языков. Таким образом у них как бы сложился свой собственный язык, который вне этого круга мало кто мог бы понять. И здесь, опять-таки я только могу повториться – уж так они говорили, да и сейчас, пожалуй, говорят не лучше. Я где мог старался сделать сноски, чтобы как-то объяснить, что же они имели в виду. Может я и переусердствовал, и многие выражения уже вошли в обиходный русский язык, но откуда мне здесь, на чужбине, это знать? Тут было бы неплохо иметь таланты Великого Отца Народов (который, согласно определению Юза Алешковского, был "в языкознании давно познавший толк"), да где же их взять?

Вот поэтому я и думаю, что эта книжка не для всех, и я вовсе не старался, чтобы она всем понравилась. Да такой книжки, которая бы нравилась абсолютно всем, наверное, и вообще ещё не было никогда написано, а уж моя-то точно не станет первой... Я и решил не гнаться за количеством удовлетворённых читателей, а тем паче критиков (пускай они удовлетворяются каким-либо иным способом), а писать так, как я чувствовал. Так что все претензии по качеству и содержанию книжки следует отнести к несовершенству её автора, а соответственно, и его чувств, что и привело к несовершенству книги им написанной.

Ну что, мой дорогой читатель, я Вас уже заинтриговал или ещё нет?

Я не буду божиться и утверждать, что не имел ни малейшего желания этого делать – всё равно Вы мне не поверите. Как и не буду утверждать, что всё написанное в этой книжке – сущая правда. Или наоборот, что все герои и события мною придуманы с начала и до конца и не имеют никакого отношения к людям живущим или уже не.

Я вообще имею сильное подозрение, что всё без исключения написанное людьми, будь то хроника, волшебная сказка или анонимка всегда являются сочетанием правды и авторского вымысла и разница только в том, чего в конкретном произведении больше – того или этого. Мне даже пришло в голову, что каждая написанная книжка должна бы иметь процентный индикатор содержания правды, или наоборот, содержания выдуманного; второй ингредиент тогда можно было бы легко подсчитать. Наверное, это было бы куда любопытнее для читателя знать, нежели прочие выходные данные, вроде тиража или количества печатных листов. И я в законодательном порядке запретил бы использовать для них либо ноль, либо сто процентов, поскольку это было бы явное надувательство. Может быть, оставил бы такое право, ну разве что для какой-нибудь партийной прессы – ведь если какие-либо партийцы признают, что что-либо из их предвыборных обещаний не стопроцентная правда – кто тогда за них стал бы голосовать? Ну, может, я бы и проголосовал, хотя бы за то, что у них какая-то совесть есть, но большинству-то требуется не совесть, а конкретные блага. Их-то пообещать проще всего. Потом, правда, надо ещё как-то объяснять, почему в этот раз с благами не сложилось, но уж обязательно получится в следующий раз...

И опять я забрёл куда-то не туда.

Наверное, пора мне прекратить свои разглагольствования, оставить Вас в покое, и наконец дать Вам возможность прочитать эту книжку.

Я так, пожалуй, и сделаю. Только выскажу своё последнее опасение.

В этой книжке присутствует и другой потенциально травмирующий фактор. В ней довольно много секса. Здесь автор может только сказать в своё оправдание –пожалуйста, не забывайте, откуда мои герои на американскую землю прибыли, а также когда.

Это были люди, не принявшие существовавшую тогда систему и бежавшие из неё, либо система, не приемля этих людей, просто сама выкинула их из себя. Но так или иначе, все

они покупали one-way ticket³ и уезжали без какой-либо реальной надежды на возвращение. Контакты с бывшей родиной были сведены к минимуму, и она постепенно уходила из их жизни, оставаясь лишь в их памяти и в подсознании. Зацепившись там, она и делала их непохожими на остальных людей, среди которых они жили. Им хотелось больше жить, больше чувствовать и видеть, а также больше любить.

Вырвавшись из ханжеских устоев, где секса как бы и не существовало, они попали в мир, в котором он был и в котором о нём не только можно было говорить, но и им заниматься! Вдумайтесь в этот перепад, мой дорогой читатель.

Мои герои не переходили постепенно из одного мира в другой, как люди, начавшие свою жизнь в Союзе, а сейчас живущие в России. Это тоже была шоковая перемена, но всё же она продолжалась годы, да, пожалуй, всё ещё продолжается и теперь. Мои же герои поменяли свои миры практически в одночасье, и это не могло не отложить соответствующий отпечаток на их жизнь. Кого-то эта перемена исковеркала, кого-то наоборот, закалила. Но эта жизнь в другом мире, зачастую без языка, и даже без понимания его основных устоев и создавала те коллизии и реалии того поколения людей "на изломе", о котором здесь в этой книжке и идёт речь.

Давайте же на несколько часов погрузимся вместе с Вами в тот мир, мой дорогой читатель, где молодые мальчики и девочки, а также прожжённые прошлой жизнью и готовые к борьбе за выживание любыми способами авантюристы пытаются познать тот странный для них мир и найти в нём своё место...

В те времена я был одним из них (к какой именно категории меня отнести, я оставляю решать Вам, мой дорогой читатель). И может быть, именно поэтому, создавая эту книжку, я вместе со своими героями смеялся, грустил и вместе с ними влюблялся. И если кого-то из вас этот эмоциональный порыв, хотя бы в какой-то степени заставит улыбнуться или взгрустнуть, автор будет считать свою миссию успешно выполненной.

Вы готовы? Тогда садитесь поудобней, и вперёд, мой дорогой читатель, переворачивайте страницу!

Итак, перед Вами Нью-Йорк, ранние восьмидесятые годы...

Борис Соколовский

---

³ One-way ticket (англ.) – билет в один конец

Нехлюдка или Большое дыхание любви

Никто точно не знал, откуда у него появилось это прозвище, то ли он привёз его ещё из Москвы, то ли приобрёл его уже здесь, в Нью-Йорке, как и никто не знал, что бы оно могло значить. Хотя оно явно отдавало не то Достоевщиной, не то Тургеневщиной, а, возможно, и Толстовщиной, он очень мало походил на любого из героев этих писателей.

Это был типаж, познакомившись с которым, не скоро забудешь.

На свете не существовало чего-либо такого, о чём бы он ничего не знал. Шла ли речь о бытовой электронике, о великом царе Навуходоносоре, о паровых машинах начала века или о сравнительных характеристиках различных сортов мрамора, Нехлюдка всегда имел мнение и охотно им делился, вне зависимости от того, интересовался ли этим мнением кто-либо или нет, и уж совсем при этом не беспокоясь, насколько оно уместно.

Он вечно попадал в различные, как правило, малоприятные истории, из которых потом с большим трудом мог вылезти, чтобы сразу же после этого влететь в какую-нибудь другую.

Его постоянно обуревали всё новые и новые увлечения, и он отдавался им весь без остатка. Надо отметить, что чем бы Нехлюдка не занимался, он всегда всё делал серьёзно и обстоятельно.

Одно время он увлёкся хоккеем и глубокой ночью вместе с такими же фанатами как он сам где-то снимал на несколько часов каток и устраивал с ними ледовые баталии.

“Ты не представляешь, какой это fun⁴”, – говорил он мне. Я его, действительно, слабо себе представлял.

– Понимаешь, зрителей вокруг нет никаких – (и, правда, подумал я, и куда это в три часа ночи могли запропасться все зрители, тем более в матче таких высококлассных команд), – и такое впечатление, будто всё происходит во сне. Как только переоденешься и выходишь на лёд, сразу забываешь обо всём на свете, кроме игры, адреналин вырабатывается литрами и гуляет по организму, – сообщал он. – Как люди могут не понимать такого кайфа?

– Очень странно, – соглашался я.

Ссадины и переломы, которые он с гордостью демонстрировал всем желающим, определённо были получены наяву, а не во сне.

Ночью они играли потому, что в полном соответствии с законом о спросе и предложении, а также учитывая тот факт, что большинство нормальных людей предпочитают играть днём, а спать ночью, лёд в это время суток стоил намного дешевле.

Хобби это исчезло так же внезапно, как и появилось.

В то время, о котором идёт речь Нехлюдка подрабатывал работой в такси, изредка находя желающих сдать его (такси, конечно, а не Нехлюдку) в rent⁵.

В один из вечеров я и Лео, мой дружок, с которым мы тогда делили наш скромный апартамент, наслаждались обществом двух молодых девушек, а также яствами и напитками, и уже совсем было приготовились перевести наше знакомство, уже достаточно интимное в ещё более близкое, как раздался телефонный звонок.

Лео взял трубку и с минуту слушал чей-то монолог. Судя по тому, как за эту минуту вытягивалось его лицо и черты лица стали обостряться, напоминая орлиные, я понял, что происходит что-то серьёзное, и скорее всего малоприятное.

– Ты только не взлети, – сказал я, – что произошло?

К тому времени Лео ещё не научился давать ответы на прямые вопросы. Вроде бы не приобрёл он этого таланта и по сию пору.

⁴ Fun (англ.) – удовольствие

⁵ Rent (англ.) – наём

Однако из коротенькой речи Лео можно было понять: во-первых, что именно он думает о Нехлюдке лично, его ближайших родственниках (о которых, оказалось, он знал много нехороших вещей), о ментах всех стран и народов, а, во-вторых, всё-таки можно было уяснить, что Нью-Джерсийские⁶ менты захватили Нехлюдку в плен и готовы были его отпустить только при условии, если его кто-нибудь заберёт, а также внесёт выкуп в размере тысячи долларов, который они называли bail⁷.

Лео тяжело вздохнул, пробормотал что-то вроде "грехи наши тяжкие" или что покрепче и отбыл спасать заблудшую овцу.

Подробности происшедшего выяснились из сумбурного Нехлюдкиного рассказа на следующий день.

Отработав целый день на рентованном таксомоторе, Нехлюдка, с удовлетворением хорошо поработавшего человека, возвращался к себе домой и остановившись у платёжной будки перед туннелем, заплатил за проезд.

– Будьте любезны дать мне receipt⁸ – вежливо попросил Нехлюдка кассиршу.

Она не менее вежливо объяснила, что дать ему receipt она не может, поскольку в аппарате, их печатающем закончилась лента, а другой у неё нет.

Нехлюдка объяснил, что это её проблема, а ему нужен receipt.

На кой хер он ему был нужен, Нехлюдка не знал, по крайней мере ни тогда, ни позже, не мог эту необходимость более или менее связно объяснить. Но то, что receipt ему нужен, он знал совершенно точно.

Он так и сказал об этом кассирше, а также добавил, что без receipt'a он отсюда никуда не уедет.

Так оно и получилось, хотя и не совсем так, как Нехлюдка себе это представлял.

Несмотря на довольно поздний час, за Нехлюдкой начала выстраиваться очередь.

– Так Вы говорите, что без receipt'a Вы не уедете? – уточнила кассирша. – Одну минутку... – и она нажала на тумблер, вызывающий ментов в случае попытки ограбления, неуплаты или каких-либо других ЧП.

...И одной минутки не понадобилось своре ментов чтобы появиться на месте происшествия, сгрести Нехлюдку в кучу и отогнать его вместе с машиной в сторону, чтобы он не блокировал движение. А затем, явно маясь от скуки в поздний час, предложили они Нехлюдке предъявить документы.

Проверка Нехлюдкиных документов дала любопытные результаты.

Выяснилось, что Нехлюдкины права suspended⁹, регистрационный талон не соответствует машине, на которой он едет, инспекция, которую нужно делать не реже одного раза в год, для этой машины была сделана последний раз 6 лет тому назад, а обязательной страховки нет вообще. Как и не было доверенности на право вождения этой машины.

Любого отдельного факта из этой группы было достаточно, чтобы менты (предварительно выпив пол-литра крови) обвесили бы всего тикетами¹⁰. А в случае езды без прав, можно было и загреметь в каталажку. А если, Боже упаси, попадёшь туда в пятницу вечером, как, кстати и было в этот раз, то проторчишь там минимум до понедельника, прежде чем предстанешь во всей своей красе перед судьёй, а если суды переполнены, что не является большой редкостью, то и позже.

---

⁶ New Jersey (англ.) – штат, соседний с Нью-Йорком

⁷ Bail (англ.) – залог

⁸ Receipt (англ.) – квитанция об уплате

⁹ Suspended (англ.) – приостановлены

¹⁰ Tickets (англ.) – штрафные квитанции

Здесь же менты по совокупности фактов даже растерялись. Тем более что серьёзного разговора с Нехлюдкой не получилось, да и получиться не могло. Они его спрашивали о правах и страховке, а он неизменно переводил разговор на гесеірт, который ему должны были дать, но почему-то не дали.

Менты, не зная, что делать с преступником такого калибра, как Нехлюдка, приняли Соломоново решение.

Машину, неизвестно чью и неизвестно как попавшую в Нехлюдкины руки, они решили оставить в местном гараже впредь до выяснения (за счёт владельца, разумеется), а Нехлюдке предложили порыться в памяти и вспомнить телефоны каких-нибудь друзей или родственников, которые могли бы принять Нехлюдку под свою ответственность впредь до суда, а также, заодно, внести за него bail в размере \$1000.

Для меня это и сейчас большие деньги, а тогда, для меня и Лео – тем более. Таков был ход событий, приведших к телефонному звонку, с которого я и начал рассказ об этом происшествии.

Лео вернулся домой посреди ночи, злой как чёрт, голодный и обедневший на \$1000, по крайней мере временно. Он поведал, что, отволакивая нахохлившегося правонарушителя в берлогу, в которой Нехлюдка тогда обитал, между ними произошёл следующий коротенький диалог:

– Не кажется ли тебе, Нехлюдская рожа, что, когда едешь с таким замечательным комплектом документов, как твой, имеет смысл быть несколько более скромным?

– Более скромным? Что ты имеешь в виду? – не понял Нехлюдка.

– Я имею в виду привлекать к себе как можно меньше внимания, и, скажем, избегать любых конфликтных ситуаций. Как ты считаешь?

Нехлюдка среагировал почти как Галилей после нападок инквизиции:

– А всё-таки она была обязана дать мне гесеірт!

Это была единственная информация о случившемся, которую я смог выцедить из Лео по его возвращении, не считая, разумеется, проклятий и вульгарностей. Все остальные детали происшедшего, как я уже говорил, рассказал сам Нехлюдка, явно не понимая причин столь несправедливого к себе отношения.

Во что ему обошёлся этот гесеірт, в какое количество потраченных денег, потерянного времени, головной боли, сидения в судах и разборок с владельцем злосчастного автомобиля, знает только один Нехлюдка. Но скорее всего, и он этого не знает, вернее не помнит, как человек, который неизменно выкарабкавшись из одной малоприятной истории, незамедлительно влетает в другую.

Как и у всякого другого незаурядного человека, была у Нехлюдки и своя несчастная любовь.

Была она настоящей француженкой и звали её... Русская транскрипция плохо приспособлена для правильного воспроизведения французских имён. Нехлюдка всегда произносил её имя с французским прононсом – Мюһелин, где "һ" с чёрточкой наверху звучал как русский звук "х" (без чёрточки), но звонкий. Так некоторые евреи, не произносящие букву "р" её произносят, вернее пытаются её произнести, за что и подвергаются насмешкам со стороны как антисемитов, так и других евреев которые знают, как эту букву надо произносить.

Где он её откопал, теперь, за давностью лет узнать уже невозможно, да и не столь важно для нашего рассказа. Нехлюдка очень гордился своей girlfriend¹¹ и даже пытался освежить свои куцые знания французского языка, последний раз с которым (а также и первый) он сталкивался ещё в средней школе, в безнадежной попытке общаться с ней, как он объяснял, "на языке оригинала".

---

¹¹ Girlfriend (англ.) – подруга

Но как бы там ни было, Мюфелин, или "моя крошка Мюфелин", как Нехлюдка иногда любил её называть, была девушкой своеобразной, своенравной и свободолобивой.

В числе прочего, её свободолобие заключалось и в том, что она была весьма привержена свободной любви, не очень афишируя эту страсть, но и не особенно её скрывая. И, соответственно, следуя влечениям своего сердца, а, возможно, и других органов, она изменяла бедному Нехлюдке направо и налево.

В начале Нехлюдка страдал, затем пытался быть выше этого, после, пытался "этого" не замечать. Ни то, ни другое, ни третье не давало ни малейшего результата. Однако Нехлюдка не сдавался.

– Для большой любви нужно иметь большое дыхание, – любил говорить он. По-моему, он позаимствовал эту фразу из какого-то советского кинофильма.

А между тем Мюфелин находила себе очередного любовника, оставляя Нехлюдку упицаться своим горем.

Тогда Нехлюдка избрал другую тактику. Даже странно, как это он не додумался до этого раньше. Это же элементарно и очевидно. Пока он, Нехлюдка, не припрёт Мюфелин неопровержимыми доказательствами её блуда, она в полной безнаказанности будет продолжать делать всё, что она хочет. А хотела она, как правило только одно, и как раз то, чего Нехлюдка очень бы не хотел, чтобы она делала.

Приняв решение, Нехлюдка с энтузиазмом принялся за дело. Накупив уйму дорогостоящей аппаратуры, Нехлюдка стал выслеживать свою неверную возлюбленную.

Это оказалось не особенно сложным, поскольку Мюфелин, то ли не ожидавшей такой прыти от Нехлюдки, то ли из простого похуизма, и не думала петлять и замечать свои следы.

Вскоре Нехлюдка знал, что очередной пассией его возлюбленной стал молодой и красивый негр, вроде бы с каких-то Карибских островов. Забросив свою основную работу, Нехлюдка целиком посвятил себя сыскной деятельности. Довольно быстро он установил, где его соперник живёт, чем занимается, а также кем занимается.

Оказалось, что и он не заиклен на одной возлюбленной, а напротив, окружил себя вниманием по меньшей мере с полдюжины девушек.

Нехлюдка возликовал. Теперь-то у него будет, что сказать своей "крошке". А также, что показать.

И вот однажды, выследив Мюфелин, направляющуюся к своему дружку, Нехлюдка во всеоружии пробрался на давно уже облюбованную им позицию, а именно – на крышу дома через дорогу от того, где жил темнокожий соперник.

Нехлюдка приволок туда здоровую треногу, фотокамеру с телеобъективом больше похожем на телескоп, чем на объектив, полевой бинокль и плащ-палатку – на случай дурной погоды.

Пока Нехлюдка прилаживал и настраивал свою аппаратуру, преступная пара, что называется, не отходя от кассы, стала с увлечением заниматься любовью. Нехлюдка, не хуже профессионального "paparazzi"¹², стал нащёлкивать десятки фотоснимков. Позиция, надо сказать, была выбрана очень удачно. Кровать, на которой любовники развлекались, стояла совсем рядом с окном, на котором не было ни занавесок, ни тем более гардин, а Нехлюдкин наблюдательный пост был как раз на одном уровне с объектом наблюдения.

Занимались они этим делом долго и от души. У Нехлюдки уже закончилась плёнка, а влюблённые всё ещё не могли отлипнуть друг от друга.

Нехлюдка даже пожалел, что не обзавёлся кинокамерой, прикидывая, какие ракурсы и фотоэффекты он бы мог в этом случае произвести. Нехлюдка уже воображал себя не то Феллини в молодости, не то Скрипачом на крыше, одним словом, человеком Искусства. Он до того увлёкся происходящим, что едва не загремел вниз вместе со своей аппаратурой и плащ-палат-

---

¹² Paparazzi (*итал.*) – фотограф, преследующий знаменитостей

кой, что было бы совсем не смешно, если учесть, что находился он на крыше семиэтажного дома, а самое главное, его миссия пока ещё была не завершена.

Однако спокойно наблюдать происходящее, и не будучи в состоянии его документировать, было выше Нехлюдкиных сил. С одной стороны, он боялся пропустить развёртывающееся перед его глазами действие, а с другой, внезапно проснувшийся в нём фотожурналист требовал действий от него самого.

Наконец он решился бросить на минутку свой форпост и сбегать купить фотоплёнку, недостаточное количество которой так досадно помешало его работе. Накрыв аппаратуру своей плащ-палаткой, он справедливо рассудил, что вряд ли в такой поздний час и в такую ненастную погоду кто-то решит полезть на крышу, тем более что достать ключи от двери туда ведущей тоже не так-то просто, что Нехлюдка знал по собственному опыту.

Бурей скатившись вниз в соседний супермаркет и приобретя фотоплёнку в количестве достаточном, чтобы сделать портреты всех участников Нью-Йоркского марафона, Нехлюдка менее чем через десять минут был опять на своём боевом посту.

Казалось, в окне напротив ничего особенно не поменялось, всё те же страстные объятия и пламенные поцелуи.

Однако, прильнув к окуляру, Нехлюдка почувствовал, что его нижняя челюсть начала отделяться от верхней. Нехлюдка отказывался верить своим глазам.

Ибо партнёршей темнокожего уже была не прелестная Мюфелин, а непонятно откуда взявшаяся мулатка, тоже, впрочем, очень даже хорошенькая.

Нехлюдка почувствовал, что дуреет. Как же это может быть, ведь только что там была Мюфелин, а теперь... Хотя, может быть, там и раньше была не Мюфелин, а просто он в слепоте своей ревности принял мулатку за неё... А может быть он сейчас принимает Мюфелин за мулатку? И не может же живой человек, будь он хоть трижды темнокожий, долбить двух тёлочек одну за другой почти что без перерыва?

Нехлюдке и впрямь стало казаться, – не то он вместе с аппаратурой и плащ-палаткой съезжает с крыши, не то у него у самого крыша куда-то едет.

Большой художник, как правило, находит успокоение от гнетущих его сумятиц в работе. И Ван Гог, отрезав себе ухо, тут же написал маслом массу подсолнухов.

Нехлюдка неверной рукой пододвинул к себе штатив и продолжал отщёлкивать кадр за кадром...

Через полчаса всё было кончено. Ещё возбуждённый увиденным и пережитым, Нехлюдка начал сворачивать свой лагерь. Его переполняло чувство нелёгкой, но хорошо выполненной миссии. Как полководец, покидая поле выигранной им битвы, он кинул последний взгляд на злополучное окно, на крышу, бывшую плацдармом, где ещё совсем недавно размещался разбитый им наблюдательный пункт. Уставший, но полный боевого задора, с предвкушением завтрашнего объяснения, Нехлюдка потащил своё шпионское оборудование, отслужившие ему верой и правдой по направлению к двери, ведущей вниз...

Но, к сожалению, эффект от Нехлюдкиной вылазки был минимальным, если не нулевым.

Придя к ней на следующий день, Нехлюдка вместо приветствия пустил веером на стол пачку фотографий в направлении блудницы. Она мельком взглянула на самую верхнюю из них, на которой её лицо было искажено гримасой оргазма.

Нехлюдка в позе общественного обвинителя, с выражением скорбной отрешённости от всего, ожидал произведённого эффекта.

Его не последовало. Мюфелин, потягиваясь спросонья, промурлыкала:

– ОК. So what?¹³

Обалдевший от подобного нахальства Нехлюдка решил отыграть свой последний козырь.

---

¹³ ОК. So what? (англ.) – Хорошо. Ну, а дальше-то что?

– Ага, тебе нечего на это сказать!? А что ты тогда скажешь на это? – и Нехлюдка надвигаясь на Мюфелин как Атос на миледи, пустил другой веер, в котором уже фигурировала мулатка.

– А на это я скажу вот что... – улыбнулась Мюфелин и потянула Нехлюдку к себе.

Через несколько минут, если кто-нибудь, да хотя бы, тот же самый негр, который скорее всего даже и не подозревал о Нехлюдкином существовании, стоял бы за окном и делал фотоснимки, они бы очень хорошо дополнили коллекцию, которой Нехлюдка посвятил столько эмоций и страсти.

Но как бы там ни было, этот эпизод хотя и был серьёзным испытанием отношений, всё же не явился причиной их окончательного разрыва.

Последней же соломинкой, переломившей хребет их любви был совместный визит на *swinging party*¹⁴, по-русски, в просторечии просто называемой "групповухой". Мюфелин убедил Нехлюдку туда пойти, в надежде помочь ему избавиться от мелкособственнических инстинктов в сексе. Нехлюдка после некоторых колебаний согласился, отчасти из любопытства, а отчасти чтобы впечатлить Мюфелин, что и он не чужд идеалам свободной любви.

Party это происходило в роскошной квартире Нью-Йоркского Вест Сайда.

Когда они туда пришли, вечеринка уже была в полном разгаре. Нехлюдка был впечатлён дорогим декором отделки, а также непосредственностью манеры общения присутствующих. Большинство гостей (а кто там был гостем, кто хозяином, Нехлюдка так никогда и не узнал) были в костюмах Адама и Евы, хотя некоторые, видимо склонные к садомазохистским утехам, прохаживались в кожаных доспехах с множеством металлических заклёпок, а также с хлыстами и розгами.

Толпа была в основном интернациональной, многие говорили по-французски, кое-кто по-английски, кто-то ещё на каких-то Нехлюдке неизвестных языках. Вокруг было полно алкоголя, фруктов и лёгких закусок, где-то, как обратил внимание Нехлюдка, рассыпался какой-то белый порошок, кто-то потягивал за приятной беседой какой-то янтарный дринок, а кто-то покуривал траву-мураву.

Ну и конечно, в разных углах и прямо в центре комнаты, словом, где попало, группы из двух, трёх, а в одном случае даже из восьми человек, занимались главным делом – изо всех сил любили друг друга.

Мюфелин познакомила Нехлюдку со своей подружкой, которая почти не говорила по-английски. Перейдя на французский, они стали оживлённо щебетать друг с другом и Нехлюдка, мало что понимая в их беседе, отошёл в сторону выпить дринок, а заодно понаблюдать клубки тел, копошившихся тут и там. Он настолько увлёкся этими наблюдениями, что не сразу заметил, что Мюфелин куда-то переместилась вместе со своей подружкой.

Нехлюдка довольно быстро смог их отыскать. Мюфелин уже была раздета и находилась между двумя парнями, которые как бы поместили её в середину бутерброда, состоящего из их тел, и ритмично выжимали из неё не то масло, не то майонез. Подружка была тут же, пока только полураздета и вроде как бы ещё не у дел, и развлекала себя тем, что щекотала своими сосками то одну половину бутерброда, то другую.

Никакой беседы уже не велось, да и вестись не могло – глаза Мюфелин полу-закатились, дыхание было тяжёлым и прерывистым – не до беседы.

Нехлюдка рассвирепел.

– Блядюга, ведь только на секунду её оставил – подумал Нехлюдка, но решил пока ничего не говорить, а отомстить ей той же монетой.

Сделать это оказалось очень просто, благо желающих было выше крыши – в конце концов для того они сюда и пришли.

---

¹⁴ *Swinging party* (англ.) – вечеринка, на которой гости (и хозяйка, конечно, если пожелают) предаются свободной любви

Нехлюдка довольно быстро свёл знакомство с общительной и разговорчивой дамой, очень недурной собой. Она была без трусиков, но зато в пояске с резиночками и чулочками, что делало её абсолютно очаровательной и сексуальной.

Она совершенно не возражала познакомиться с Нехлюдкой ещё ближе, прямо здесь и прямо сейчас.

Нехлюдка покосился на лежащую в нескольких шагах от него Мюфелин, от которой к этому времени отпала одна половина бутерброда, и подружка в какой-то мере пыталась её заменить, нежно покусывая один сосок Мюфелин, и в тоже время пальцами покручивая другой, будто желая его напрочь отвинтить.

Это окончательно убедило Нехлюдку в правильности выбранного пути.

Нехлюдкина же новая очаровательная знакомая между тем указала ему на приближающегося к ним голого мужика с огромными гениталиями, болтавшимися при ходьбе из стороны в сторону. Ослепительно улыбаясь, она проворковала:

– Разрешите мне представить Вас своему мужу...

Муж дружелюбно пожал вялую Нехлюдкину руку, минуту проговорил с ними ни о чём, и отправился на поиски сомнительных удовольствий, соответствующим его выдающемуся отростку.

Нехлюдка не теряя более времени приник к своей обретенной партнёрше, да так что она даже взвизгнула от удовольствия.

Он уже вошёл в ритм прокачки, когда почувствовал какую-то возню у себя за спиной.

– Мюфелин – подумал Нехлюдка. – Проняло в конце концов... Ну, получи, фашист, гранату от советского солдата...

И полностью игнорируя, и не обращая более своего внимания на разные отвлекающие факторы, Нехлюдка, дыша как паровоз, продолжал свою миссию.

Возня же за спиной становилась всё более настойчивой и направленной.

Обернувшись в конце концов, он с ужасом увидел, что там отнюдь не Мюфелин, а партнёршин муж, который сосредоточенно пытался вправить своё невообразимых размеров хозяйство в Нехлюдкино очко.

Нехлюдка осатанел.

Сделав сложный пируэт и вывинтившись из своей партнёрши, и одновременно при этом вывернувшись из-под мужниного грозного объекта, Нехлюдка заорал всей интернациональной толпе на чистом русском:

– Ну вас всех на хуй!!

И повторил тем, кто его мог не расслышать первый раз:

– НА ХУЙ!!!

Подхватив на ходу валявшиеся где-то снятые детали своего гардероба, с обуревающей его яростью, тоской в сердце и распухшими яйцами, Нехлюдка поломился к выходу...

После этого знаменательного события Нехлюдка впал в депрессию, из которой я и Лео безуспешно пытались его вытащить. Нехлюдка мало на что реагировал, очевидно в душе оплакивая растоптанную любовь.

Потихоньку, однако, он стал проявлять признаки жизни и это стали замечать не только мы, но и другие люди, включая его сестру.

Она даже позвонила нам с благодарностями за хорошую заботу об её тоскующем брате.

Это был благоприятный случай, который было грех упускать.

Я пригласил её к нам на огонёк, чтобы в непринуждённой обстановке обсудить проблемы, касающиеся её брата.

Вскоре я стал называть её Bilitis, за её пристрастие к этому, тогда очень модному эротичному фильму с очаровательными актрисами и волнующими мелодиями...

Но это уже совершенно другая история, о которой я расскажу как-нибудь в другой раз, разумеется, если найдутся желающие её послушать.

Квадратное яйцо или The Troublemaker

В русском языке, насколько я помню, нет точного аналога английскому слову "troublemaker". В одном из словарей я видел, что оно переводится как "нарушитель спокойствия", в другом – как "возмутитель спокойствия". Хотя до какой-то степени эти переводы употребимы, сдаётся мне, что ни в одном из этих словарей нет того значения, которое в него вкладывают американцы.

А они этим словом прежде всего называют людей, которые создают неприятности – как для себя, так и для других. Я сразу предвижу ваше удивление, мой дорогой читатель. А разве это не одно и то же? Ведь если кто-то (или что-то) начинает генерировать неприятности, какое уж тут спокойствие? И всё же разница есть, и как мне представляется, довольно существенная.

Спокойствие – это явление внешнее, поверхностное. Спокойным может быть море или, скажем, омут, а кто знает, что там делается чуть глубже? Как говорил один мой знакомый, чем тише омут, тем умнее черти.

Переходя теперь от философских экскурсов к герою моего рассказа Квадратному Яйцу, замечу, что за его спокойствием, и я бы даже сказал, безмятежностью всегда зрели те самые troubles¹⁵, которые в любую минуту были готовы вырваться на поверхность, сметая всё на своём пути, включая и то обманчивое спокойствие, о котором мы говорили выше, и тогда уж словарное определение вполне совпадало с общепринятым американским.

Кем же может быть человек с таким, я бы сказал, редко встречающимся именем?

Да-да, Вы правы, он был, как и большинство наших героев весьма необычным и, соответственно, запоминающимся.

Я, наверное, повторяюсь, но всё же скажу, что относился он к категории людей, и надо заметить, достаточно распространённой, которые чувствуют себя без блудняков как без пряников. В хорошие времена, а бывали и такие, ему приходилось разбираться с одним-двумя, но что бы не было ни одного, такого я не припомню.

Сейчас уже трудно сказать, что послужило причиной той разборки, благодаря которой он и обрёл своё знаменитое имя. Говорили, что будто бы недоплата за купленную траву-мураву, что им отрицалось с негодованием, как нечто невероятное. Лично мне представляется ещё более невероятным сценарий, при котором на него окрысились за то, что он переплатил и к тому же принёс деньги раньше, чем обещал.

Но как бы там ни было, во время этой разборки его отбутскали довольно сурово, и руками, и ногами. Один из пинков достиг скоромного места и одно из его яиц вздулось до такой степени, что не помещалось в трусах, а также поменяло цвет и форму. Цвет, как вы можете догадаться был буро-фиолетовым, а форма стала как-бы угловатой.

По прошествии какого-то времени размеры и цвет его яйца вернулись к более-менее человеческим стандартам, но вот форма, как он утверждал, так и осталась квадратной.

Что и послужило тому, что никто более не помнил, что звали его Борькой, как и меня; отныне для всех он был Квадратное Яйцо.

Прихожу я как-то домой и вижу – за столом заседает военный совет – Лео и Квадратное Яйцо. Я хотел тихонько пройти к себе, но меня попросили присоединиться к заседанию.

Голова Яйца и без того несколько деформированная, стала конусообразной. Но не так как вы подумали – широкой частью вверх, как случается иногда у гениев с супер-развитым черепом и небольшим подбородком, а наоборот, лоб впал как бы вовнутрь, а подбородок выдвинулся вперёд – одним словом видно – расстроен чем-то человек.

– В чём дело? – интересуюсь.

---

¹⁵ Troubles (англ.) – неприятности

– Этот – далее следовало около десятка прилагательных, не самых приличных и одно существительное, тоже не самое – ОН хочет посадить меня в тюрьму!

Это было что-то новое. Обычно дело заканчивалось либо оскорблениями, либо мордобоем, а чаще – и тем, и другим.

– Тебя? В тюрьму? За что можно посадить в тюрьму такого кристально чистого человека как ты?

– Абсолютно не за что! – согласился он, не расслышав иронии в моих словах.

Из дальнейших сбивчивых объяснений можно было понять следующее.

Квадратное Яйцо работал шофёром такси (surprise, surprise!¹⁶) и сегодня вернувшись со своей смены он поехал к своему сменщику отдавать машину. В голову лезли приятные мысли типа: "Мы славно поработали и славно отдохнём!" Однако славного отдыха не получилось.

Кроме сменщика там были и другие шоферюги, а также владелец такси, у которого Квадратное Яйцо его рентовал. Он-то и заметил вмятину на бампере его машины. А на предложение заплатить за неё, ответил не только категорическим отказом просящему, но и оплеухой ему же.

– Да ты только пойми, – горячо убеждал меня Яичко, – за такую мототу он у меня попрощил триста. Да мыслимо ли такое терпеть? Да за триста я акуле зуб из глотки выдерну...

– Оставь бедную акулу в покое. Хватит с тебя одного хозяина... Кстати, зубы у акул растут во рту, как и у тебя, а в глотке у них можно найти только любителей акульих зубов.

– Я, конечно, немного погорячился, но кто бы мог вытерпеть такое? Я же всё-таки живой человек...

– Да-да, ты абсолютно прав, конечно, это смягчающее вину обстоятельство. Вот если бы ты был мёртвым, тебе бы было гораздо легче перенести подобное оскорбление.

– Лучше бы я его сразу же убил, – гнул своё Квадратное Яйцо, – никто бы меня тогда не таскал в суд и не отнимал бы моих честно нажитых...

– В общем так, – срезюмировал прения Лео. – Опять придётся идти и отмазывать тебя, дурака. Боже, как мне это уже надоело! Пойдём Барсик, – обратился он ко мне, – попробуем как-нибудь увязать и этот блудняк. Это в последний раз мы идём тебя вытаскивать, – уже обращаясь к Квадратному Яйцу, – а в следующий раз подпрягай для этого акулу с выбитым зубом...

– Да какой же тут может быть следующий раз? Да пусть у меня лучше руки оборвут вместе с котлами и перстнями, чем я ещё когда-нибудь, кого-нибудь, за что-нибудь...

– Сиди здесь и жди нас, пока мы не вернёмся – прервал его клятвы Лео. – И чтобы никаких телефонных звонков и никаких выяснений... А если уж так надо с кем-то поделиться своим горем, так вон стоит бутылка коньяка, а вон рюмка... Тоже, кстати, не налегай особо...

Владелец такси встретил нас не сказать, чтобы радушно, но и не враждебно. Шея и плечо его были перевязаны и край лилового пятна багровел в местах, не закрытых бинтами. Его лицо было несколько перекошено, то ли вследствие полученной травмы, то ли от природы. Его жена, увидев нас зашипела:

– Вон они, дружки этого убийцы. Будь с ними поосторожней, Дима, а то и они тебя чем-нибудь грохнут.

Её лицо при этом перекошилось ещё больше, чем у её мужа. "Замечательная пара" – подумал я.

– Иди к себе в комнату, Зина, – поморщившись буркнул таксовладелец своей жене и сразу перешёл к делу.

– Я всё понимаю – сказал он – мотаться по городу в трафике¹⁷, день и ночь – ты кого-нибудь не вставишь, так тебя вставят. Что тут говорить? Такова шофёрская жизнь! Но вмятина

¹⁶ Surprise, surprise! (англ.) – какой сюрприз!

¹⁷ Traffic (англ.) – оживлённое уличное движение

сама-то не выпрямится, её нужно выправить и, соответственно, за это заплатить. Я ему предложил на выбор – или дай мне триста баксов, я её отремонтирую у своих ребят, да и дело с концом, или, если думаешь, что сможешь это сделать дешевле – вперёд и с песней, но ремонтируй в свою смену и плати за это сам.

– Вполне демократично, – заметил Лео. (Его понятия о демократии были довольно своеобразны. Своей недавней подружке он тоже давал выбор: "Если хочешь, милая, то в рот, а не хочешь – тогда в попу" – и тоже считал это самым высшим проявлением демократии.)

– Я тоже так считаю, – сказал владелец, – но ваш друг сразу полез в бутылку. Он стал вопить о том, что, когда он взял машину, она уже была с вмятиной.

– Тогда ты не должен был брать машину, и в этом случае за вмятину платил бы твой сменщик, – сказал я ему. Тогда он стал вопить громче и заявил, что он уже целую неделю ездит с этой вмятиной.

– Значит уже целую неделю ты мне должен деньги, – ответил я ему. Поскольку набор его аргументов был, видимо, исчерпан, ваш друг перестал вопить, а зарывав как янычар, наверное чтобы взбодрить себя, с размаху треснул меня своим рюкзаком... Уж не знаю, что он в нём носит, кирпичи или оловянные квадратные яйца, но если бы я не увернулся и удар бы пришёлся мне по голове, вы бы сейчас говорили не со мной, а с моей женой, которая в этом случае уже была бы не женой, а вдовой...

– Это очень прискорбная история, – осторожно сказал я, указывая на перебинтованное плечо, – Какой же Вы видите выход из сложившейся ситуации?

– Что я вам могу сказать? Не думаю, что я раскрываю большую тайну, вы видимо и сами знаете, что ваш друг идиот и мозгов у него нет. За отсутствие мозгов надо платить. Я сделаю всё что в моих силах, чтобы он заплатил как можно дороже.

Я чуть было не ляпнул, что мозги-то мозгами, но всё-таки сердце у него доброе, однако вовремя сообразил, что в данной ситуации это прозвучит скорее, как насмешка, чем аргумент в Яйцовую защиту, поэтому я просто спросил:

– Что бы смогло смягчить полученный Вами удар и нанесённое оскорбление?

– Никакого оскорбления. Только удар. Чтобы наносить оскорбления, ему нужно поднакопить мозгового вещества, но думаю, что это не произойдёт. Хотя пусть попробует, в тюрьме, я слышал, есть хорошие библиотеки, школы, различные программы для умственно неполноценных...

– У меня нет даже малейшего сомнения в том, насколько прекрасны здешние тюрьмы. Но может быть определить его на программу по повышению интеллекта лучше было бы здесь, а не в тюрьме, а Вам в компенсацию нанесённого ущерба...

– Вокруг была куча свидетелей, – перебил меня владелец, – У меня есть результаты медицинского освидетельствования. Мой адвокат готовит бумаги для подачи в суд.

– От того, что Квадратное Яйцо будет ходить в полосатой робе, Ваше плечо не заживёт скорее. Но процесс заживления может пойти намного быстрее и эффективней при хорошем питании и уходе, что как мы прекрасно понимаем требует определённых расходов...

– Три тысячи долларов и ни цента меньше, – сказал владелец, – он не хотел уплатить триста, пусть теперь заплатит десятикратно. Конечно, за такой удар следовало бы получить как минимум пять, но, к сожалению, он не только без мозгов, но и без денег тоже.

– Вы это очень точно подметили. Работая на Вашем таксомоторе, он действительно не сколотил себе состояния. Может быть, учитывая его имущественный ценз...

– Он бы сколотил куда больше, если бы работал как все, а не балдел обкурившись, и не играл бы полсмены в секу под мостом со своими дружками, такими же усердными работниками, как и он сам, которые, кстати, потом про всё это мне и рассказывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.